

18+

ЕВГЕНИЯ
ПЛОХИХ

КАК
Я
СКУЧАЮ
ПО МОСКВЕ

Евгения Плохих

Как я скучаю по Москве

«Издательские решения»

Плохих Е.

Как я скучаю по Москве / Е. Плохих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-679861-8

«Как я скучаю по Москве» — это не просто книга. Это признание. В тоске, в любви, в раздражении и в надежде. Это дневник мамы, жены, писателя — просто человека, который живёт между Москвой и Дубаем и нигде не чувствует себя до конца дома. Книга для тех, кто уехал, для кто вернулся, а главное — для тех, кто знает, что значит по-настоящему любить свой город. Смейтесь. Плачьте. Узнавайте себя. Москва — матушка. Дубай — батюшка. Такие времена.

ISBN 978-5-00-679861-8

© Плохих Е.

© Издательские решения

Содержание

Пояснение читателям	6
Как я скучаю по маме	7
Как я скучаю по злым и равнодушным людям	9
Как я скучаю по штрафам	10
Как я скучаю по интернету	12
Как я скучаю по банковским переводам	13
Как я скучаю по погоде и по природе	14
Как я скучаю по облакам	16
Как я скучаю по свету и воздуху	17
Как я скучаю по медицине	18
Как я скучаю по образованию	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Как я скучаю по Москве

Евгения Сергеевна Плохих

Книга, которая была прожита за три года и написана за одну ночь.

Корректор Анастасия Лобанова

Художник обложки Алексей Иорш

© Евгения Сергеевна Плохих, 2026

ISBN 978-5-0067-9861-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пояснение читателям

Это не книга-восклицание. Ах, как я скучаю по Москве! Нет. Интонируйте правильно. Как я скучаю по Москве — значит каким образом и по чему (раздельно) я скучаю в этой Москве.

Это книга-пособие для тех, кто собирается переезжать, или книга-воспоминание для тех, кто уже напereeжался. Напишите мне все, кого это касается, и мы вместе соберём ещё одно произведение.

А пока, несмотря на единогласное мнение всех солидных, успешных и авторитетных персон, что сейчас не самое лучшее время высываться, я всё же решила написать эту книгу.

Во-первых, от судьбы не уйдёшь. А мне ещё в 2013 году индийский гуру в Удупи (это Южная Индия) напоролил стать знаменитой. Обещал через семь лет. И что-то всё никак. И вот уже четвёртый год мы с мужем, детьми и собакой живём в Дубае. Как тут не излить бесценный опыт с прицелом на мировую славу?

Во-вторых, я всю жизнь пишу. Статьи, интервью, коммерческие публикации, детские книги в стихах, сценарии, записки на холодильник... И будет невероятно здорово, если где-нибудь на улице Ломоносова кто-то проронит в разговоре: «Женька всегда писала всякую хрень. Вот и дописалась». В положительном смысле слова.

Ну и в-третьих, очень хочется получить большой гонорар и год-другой пожить, не думая о деньгах. Иметь возможность внезапно отправиться с мужем среди недели погулять в Стамбул. Или куда там ещё можно спонтанно отправиться сегодня с русским паспортом? Поселиться в большом доме с видом на лес и вторым светом. В доме — обязательно большая библиотека, а в ней — стол у огромного окна. За столом — я, уже знаменитый писатель (обратите внимание — не писательница), создаю свой очередной шедевр в идеально чистом и невероятно стильном интерьере. И пускай сейчас я спешно лью свои мысли на бумагу, в то время как мой трёхлетний сынок льёт сок прямо на диван, где я разместились среди пледов, подушек, печенек и игрушек, я искренне верю, что так и будет. И что эта книга понравится вам, дорогие русские читатели. И что её переведут на арабский язык. И она также понравится в Объединённых Арабских Эмиратах. Ведь благодаря своему знаку зодиака (а я Близнецы) я имею полное право любить и Москву, и Дубай. И желать себе успеха и здесь, и там. Москва-матушка. Дубай-батюшка. Такие времена.

Как я скучаю по маме

Конечно, фото- и видеотехнологии сближают. И позволяют ощущать эффект полного присутствия, особенно когда мама в восемь утра в воскресенье вещает про неоплаченную коммуналку.

— Ой, я сама от себя устаю, — самокритично высказывается она.

— Тебе просто уставать больше не от кого, — смеюсь я.

Но даже в минуты полемики по поводу счетов и платежей я всё равно скучаю по маме. По её пятнадцатиминутной доступности, когда можно свалиться как снег на голову, навести бардак, суматоху, свалить на неё детей и свалить самим, пока она не опомнилась.

«Всё должно валяться на своих местах!» — примерно под таким девизом живём мы своим малым составом, но только до тех пор, пока порог дома не переступит мама.

И тут ты в полной мере осознаёшь, как сильно скучаешь. По её любви к чистоте и порядку. По еде, которая сама готовится и никогда не кончается. По всегда выстиранному и выглаженному без твоего вмешательства вещам. По тому уюту, который мама через годы, через расстояния может навести в любом доме, даже если вы живёте в бетоне, в разрухе или в ремонте.

— Ты заметила, с бабушкой намного удобнее? — сказала моя девятилетняя дочь, которая зрит прямо в корень.

— Да-а-а, — с наслаждением тяну я. Когда мама дома, ты снова дочка, а не мама.

В нашей семье мама берёт на себя всё, на что у меня не хватает сил и времени. И чаще всего — это самое важное. И то, что получается у нашей семьи, — это большая мамина работа, мамина поддержка и мамины советы. Такой важный ежедневный труд.

Муж тоже давно понял, что эта женщина — гарант чистоты и комфорта.

— Купи мне робот-пылесос! — выпрашиваю я у супруга новый бытовой гаджет, а точнее, новый уровень моего невмешательства в наведение порядка в доме.

— Будет тебе завтра робот-пылесос, ну или когда там твоя мама прилетает?

Но больше, чем по комфорту (его при должной организации в Дубае легко обеспечивают сервисные службы всех мастей), я скучаю по тому, что кто-то из всех сил старается облегчить тебе жизнь, с самого утра и до позднего вечера. Без выходных и праздников. Без оглядки на своё здоровье и на свою усталость. Просто так, ни за что, просто потому, что любит, и просто потому, что наградил тебя этой жизнью.

И больше всего на свете я скучаю по маме, когда она болеет. Когда ты понимаешь, что максимум, что можно сделать, — позвонить, написать и отправить доставку. А хочется прижаться, обнять, завалить холодильник продуктами, быть рядом и быть уверенной, что с ней всё в порядке.

Тут стоит выразить нашим мамам и папе (он у нас с мужем один на двоих) особую признательность за готовность приехать из минус 40 в плюс 40 практически по первому нашему требованию.

— Я за вами по всему миру носиться не буду, — сказала моя мама. И уже четыре раза за три года жила у нас в Дубае по месяцу-полтора. Слово родителя — это святое.

Но как бы их ни манили Эмираты своими огнями, чудесами и нами, им, безусловно, быстро хочется обратно на Родину. Они выходят на улицу, тоскливыми глазами бездомной собаки смотрят в блёклое небо. И, вздыхая, глядя на парящий в небе самолёт, произносят: «В Москву, наверное, летит».

И в день их отъезда дом становится пустым, почти сиротским. Ты, муж, двое детей и собака — нас так мало! Мы все можем снова поместиться в одну машину, нам больше не нужно два килограмма сахара на неделю, в каждой комнате не стоит по чемодану. Тебя ничего не

бесит и ничего не радует. В глазах — крокодиловы слёзы, потому что расставаться с родителями всегда грустно. А когда они живут так далеко — душераздирающе. Но, пожалуй, именно эта близость скорой разлуки заставляет вас чувствовать самое важное острее. Пропускать мимо незначительные мелочи, говорить только о самом сокровенном, о том, о чём нельзя молчать. Не спать ночами, чтобы поиграть вместе в карты. Всей гурьбой ехать на ужин в пустыню на трёх такси и целом караване верблюдов. И всё лишь для того, чтобы просто побыть рядом и как можно дольше зафиксироваться в этом счастливом моменте.

— Мам, прилетишь к нам на пару недель? — без шанса на успех как-то в июне спросила я маму, для которой 35 градусов — уже несусветная жарыща. А 53 градуса — предбанник дьявола.

— Прилечу, а что? Жить осталось два понедельника, — философски отвечает она, мысленно составляя список всего, что нужно транспортировать из Москвы в Дубай в целях экономии.

И я хватаю ближайшие билеты, параллельно с этим кричу детям, чтобы рисовали плакат для встречи в аэропорту, а мужу — чтобы планировал выходные только для нас двоих. Потому что для внуков бабушка — это улучшенная версия мамы. Всегда добрая, с набором самых любимых блюд и напитков, с возможностью выбора носочков, с кучей свободного времени, чтобы поиграть во все возможные игры, обсудить самые нелепые придуманные темы и выплакать самые горькие детские слёзы.

— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь? — спрашивает бабушка свою ненаглядную внучку.

— Ребёнком! — отбрасывает пятилетка, которая быстро смекнула, что самофинансирование, реализация в профессии и вся эта прочая взрослая суета — те ещё радости. Бабушка смеётся и продолжает игру, в которой сюжеты закручиваются похлеще, чем у «Марвел»: Человек-паук влюбился в куколку Лол.

Какое счастье, что у наших детей именно такие бабушки и дедушка! Возможно, нашим внукам повезёт меньше. Но, скорее всего, и мы дорастём до того, чтобы целый день быть занятыми только малышами и их заботами. Кажется, что всё это так невозможно далеко. А потом хлопаешь глазами — и десять лет мимо. И ты уже почти сорокалетний, стоишь и думаешь, как не прохлопать остаток жизни.

— О, песцы! Я слышала о таких в садике!

— И что вам о них рассказывали?

— Ничего. Просто писец.

Как я скучаю по злым и равнодушным людям

Многие из нас помнят сатирические зарисовки Михаила Задорнова про вечно улыбающихся американцев. В Дубае, мне кажется, примерно то же самое, только искренне. Возможно, из-за климата, а может, из-за жёсткой политики депортации, но все вокруг в большинстве своём улыбкивы, спокойны и готовы прийти к тебе на помощь, когда ты этого совсем не ожидаешь.

Вот идёшь, машинально покупаешь после работы помидоры на ужин. Тебя останавливает незнакомый мужчина и спрашивает:

— Почему ты берёшь эти помидоры?

В ответ — мой немой вопрос, в котором легко прочесть: «Какое твоё собачье дело?»

А он:

— Вот же дешевле и вкуснее.

И пошёл. И ты стоишь, опешив, смотришь, что действительно — вот, рядом, дешевле и вкуснее. Кидаешь ему в спину ещё один вопрос: «И это всё?» Это всё, что ты хотел от меня? Спасибо, конечно. Но как-то странно. Настолько странно, что даже подозрительно. Выкладываешь набранные до этого помидоры, набираешь те, что дешевле и вкуснее. И какое-то время к этому привыкаешь.

— Прекратите уже извиняться все подряд!

— И омайгадить! — как-то давным-давно мы с коллегой были просто поражены количеством «sorry» на квадратный метр.

Теперь я уже привыкла. Привыкла к тому, что охранники говорят мужу на въезде к дому: «Привет, босс». К тому, что незнакомым людям есть до тебя дело. И это не обязательно что-то плохое. Привыкла, да так, что (святые угодники) перестала испытывать нервный мандраж при виде полицейских, даже если ничего не нарушала. И тут уже пиши пропало. Единственное, что навсегда остаётся, — это осознание того, что в любой экстренной ситуации, когда дело далеко не в помидорах, наши хоть и отmaterят, но точно помогут.

Как я скучаю по штрафам

Раз уж мы упомянули полицейских, поговорим про штрафы и пробки. Конечно, если ты не отъявленный олигофрен и соблюдаешь большинство правил дорожного движения, в Дубае в этом плане спокойнее, комфортнее и проще.

В Москве ехать по Волгоградке — это оксюморон. Садовое замкнулось. Утром стоим в центр, вечером — из центра. МКАД цвета запечённой крови. Всё это привычное, будничное, рабочее.

— А что такие пробки? — спрашиваю я у коллеги, который везёт нас на важную встречу в офис партнёров на Золотой Миле.

— Учёба началась.

— А что, все на водителей учатся?

В Дубае, без сомнения, тоже есть пробки. Но, как и всё дубайское, это пробки на лайте. Господа полицейские здесь улыбки, непридирчивы и никогда не произносят леденящее душу: «Нарушаем, Евгения Сергеевна...»

— Посади ребёнка в кресло, нас лишат прав! — спешу организовать я законопослушную обстановку внутри машины, пока прижимаюсь к российской обочине по взмаху волшебной полосатой палочки.

— Водительских?

— Родительских!

За такой внеплановой парковкой всегда следует разговор с полицейским. И не просто разговор, а драматическое действо, сюжет которого может повернуться как угодно, но чаще всего не в твою сторону. Однако даже в этом непростом случае можно договориться. Потому что этот серьёзный человек в форме, хоть и олицетворяет собой систему. Но всё же он живой и, самое главное, русский человек.

Снова перекрытие на Рублёвке. Я, глубоко беременная вторым, спешу на важную встречу в центр. И прямо на моём пути к успешной сделке встаёт он — слуга закона. Шансы куда-то успеть трескаются, как фары при лобовом столкновении с кирпичной стеной. Опешив, выскакиваю из машины.

— Надолго закрыли?!

— А что?

— Да задолбало, вот что! — с безнадежной досадой и гормонально обоснованной дерзостью бросаю я в ответ.

— Если честно, то да! — слуга закона то ли от моего округлевшего вида, то ли из своих собственных побуждений уходит с пути и рьяно крутит жезлом, стараясь пропихнуть на пустое шоссе как можно больше машин.

— Человечище! — с торжеством думаю я, возглавляя колонну освобождённых автолюбителей, и провожу весь день под знаменем истинного победителя, потому что смогла победить систему.

В Дубае, к сожалению, полицейских мало, а камер много. А с ними не договоришься. И за минимальное превышение скорости тебе прилетает 600 дирхамов, а точнее, от тебя улетают 600 дирхамов. Разговоры по телефону за рулём — 800. Неправильная парковка — 500. И на моём горьком водительском опыте, меньших сумм не бывает. А самое страшное — проезд на красный, который карается штрафом в 50 000 дирхамов.

И вот, напившись в эту жарю воду, ты садишься в машину и едешь домой. Через минут тридцать пути вдруг понимаешь, что хочешь в туалет. Но, как назло, час пик, и затор на перекрёстке отделяет тебя от пункта назначения. И вот уже третий раз светофор заливаётся от стыда красным, а ты тоже заливаешься, потому что сил терпеть совсем не осталось... В итоге

— на следующем мигающем жёлтом выжимаешь газ в пол, спешно паркуешься и бежишь в уборную, где одно напряжение резко сменяется другим, ещё более давящим. Звонишь мужу, чтобы облегчиться уже морально:

— Не знаю, была ли там камера и горел ли уже красный, но что я должна была делать?!

— Всегда в таких случаях выбирай описаться! Всегда выбирай описаться! — вроде бы в шутку, но тоже очень нервно кричит он в трубку.

Именно поэтому даже в Москве я не разгоняюсь на мигающий жёлтый, чем непременно бешу соседей по полосе. А то к хорошему быстро привыкаешь.

Как я скучаю по интернету

Дорого приходится платить не только нарушителям, но и тем, кто хочет быть на связи. А значит, всем. Муж говорит, что дешевле дотянуть оптоволоконный кабель из Москвы до Дубая, чем оплатить эти счета за интернет. Ведь 600 дирхамов в месяц — это ещё полбебды. Если у вас какие-то проблемы на линии, вы хотите расторгнуть договор или сменить тариф — звоните в поддержку. Если не получается дозвониться — то приходите в офис провайдера. И уже оттуда всё равно звоните в поддержку. Потому что их отделы, как и отделы банковские, устроены таким образом, что всё решается по почте (а значит, через неделю-две). Но чаще всего ничего не решается вовсе, вопрос отпадает за ненадобностью. Потому что человек, понимая, сколько сил и времени он должен потратить на пустяковый вопрос, принимает внутри себя решение, что не так уж сильно оно ему и нужно.

В Эмиратах основной метод выяснения любых моментов — по телефону горячей линии. Это при условии, что вы сумеете выбрать верную комбинацию цифр (проще подобрать код к сейфу с драгоценностями), провисеть на линии минут сорок-пятьдесят и не сойти с ума.

Однажды я два с половиной часа сидела в офисе интернет-провайдера, пытаюсь расторгнуть этот адский договор. Пришлось объяснить всем: несмотря на то что вы не имеете отношения к решению моего вопроса, я никуда не уйду, пока не решу его здесь, в офисе вашей компании. Ведь если бы я могла сделать это из дома, то, наверное, не приехала! И что вы думаете, сначала женщина на горячей линии объявила мне: досрочное расторжение договора — 800 дирхамов. Потом, после оплаты и микроинсульта, сопровождавшего данный платёж, дама переключила меня на следующего оператора, выдавшего новый счёт ещё на 600. В бешенстве я уже не могла и не хотела понять, за что именно меня просят ещё заплатить. Зато весь офис и уже приличная очередь, собравшаяся за мной, поняли, что платить я не буду и уже точно никуда не уйду. Как финал — меня уговорили не отключаться, начали торговаться и предлагать скидки. В итоге спустя ещё 20 минут мой ежемесячный платёж уменьшился на 35 процентов. Что радовало меня недолго, в течение полугода. Затем операцию пришлось повторить, но теперь уже со знанием дела я потратила всего лишь час времени и минимальное количество нервных клеток.

Также раз в полгода я получаю вежливые СМС от московского провайдера: «Добрый день, планируете ли вы дальше пользоваться нашими услугами?» — «Конечно да, ребята!» Два раза в год по целому месяцу я живу в любимой Москве и с огромным удовольствием плачу вам по 600 рублей в декабре и в июле.

Как я скучаю по банковским переводам

Уже упомянув банки, не могу не обратиться и к ним. Так как деньги и связь в современном мире — непременный мастхэв. Нам, ребятам с красными паспортами, примерно год пришлось жить в Дубае только с наличными. И на постоянный вопрос «Кэш о кард?»¹ мы всегда с гордостью отвечали: «Кэш!» — потому что «кард» какое-то время было недоступной роскошью.

И вот когда наконец желанный кусочек пластика, а вместе с ним и банковская система Эмиратов стали доступны, нам, простым русским смертным, открылся целый мир. «Скинь мне по номеру» ушло в Лету. Теперь, чтобы перевести 150 дирхамов садовнику или массажисту, приходилось добавлять бенефициаров, вводить айбаны, в некоторых случаях ждать по несколько часов, и набирать двадцатизначные числа вручную, потому что номер счёта зачастую высылают в виде скрина с данными, а не в виде текстового сообщения, которое можно скопировать.

— Для меня вообще загадка здешняя банковская система, — пишет мне наш знакомый, который не смог разморозить свой счёт, так как не прошёл KYC². При этом он не наркобарон, не торговец оружием и не глупый человек. Эти три страшные буквы — KYC — разрушили не одну банковскую жизнь. И, думаю, стали причиной возвращения в Россию в 50 процентах случаев.

Ещё один квест — банкоматы. Где-то полгода после получения карты я могла минут тридцать пять — сорок ехать по навигатору к заветной будке с нужным логотипом и не обнаружить её. В итоге зафиксировала для себя пару точек и, даже если это не самый ближайший до меня пункт, всё равно еду только туда.

¹ «Наличные или карта?». — *Прим. ред.*

² Know your customer (англ.) — знай своего клиента. — *Прим. ред.*

Как я скучаю по погоде и по природе

Вечное лето — это, безусловно, сказка и рай. И это замечательное ощущение, что шорты и футболка — вполне возможный вариант, чтобы отправиться по самым важным делам. Прекрасно, что не нужно чистить машину от снега, менять резину, покупать детям миллион одёжек, которых, дай боже, хватит на два сезона... Но вы же знаете, что если есть только шоколад всю неделю, то даже самый вкусный — дубайский — вам смертельно надоест. Такие уж мы люди создания — любим разнообразие.

И вот в чём нам в Москве несказанно повезло — так это в разнообразии погодном. Утром светит солнце, днём метёт метель, вечером плывёт оттепель, и за ночь всё леденеет так, что на следующие сутки всех без исключения ждёт балет на льду. А в балете нам равных нет. Ух!

Это я, конечно, утрирую. Но как же я скучаю по золотой осени, с ещё тёплыми лучами солнца, пробивающимися уже холодные тучи, с её красной рябиной на пока зелёном фоне, по звенящей прохладе и шуршащей листве!

В Дубае золотое скорее лето. А точнее, не золотое, а ржавое, когда всё выгорает, бледнеет, тускнеет и скучивается от зноя. И остаются в основном пески. Возможно, мы, привыкшие к разительным контрастам, не видим тех красот и перемен природы, что видят местные. Как, например, эскимосы, у которых около ста (включая однокоренные) слов для темы «снег и лёд». Наверное, и пески так же разнообразны в зависимости от сезона. Но русский глаз к этому нечуток.

Мы любим, чтобы кардинально — тогда и перемены заметнее, и счастье от хорошей погоды очевиднее. Особый вид удовольствия — смотреть «Шерлока Холмса» с Ливановым в глубоком-глубоком ноябре, когда на улице тьма беспросветная, дождь, ветер, грязь. Как же здорово ощущать в этот момент, что тебе ни-ку-да-не-на-до! А потом проснуться наутро, открыть глаза и буквально остолбенеть и ослепнуть от той чистоты и белизны, которую принёс первый снег!

Дети очень скучают по снегу, точнее, старшая. Она говорит, что крайне беспокоится за своего брата, который с трёхмесячного возраста живёт в Дубае, так как «он совсем не знает холода». Позапрошлой зимой в первый день визита в снежную Москву она вытащила его на балкон. Брат был упакован по всем суровым зимним стандартам, отчего уже бился в истерике. Рождённая в Москве, рождённая в декабре сестра, сестра, которая в возрасте трёх недель от роду окунулась в ледяную купель в горах сибирского Шерегеша, да и что там скрывать, сестра, которая и на свет-то появилась благодаря метели, что замела все пути и выезды из города и вынудила нас с мужем ещё на одну ночь продлить свой отпуск в горах... Так вот эта сестра с диким восторгом начала наводить вокруг него такую пургу и, словно заклиная: «Ну хорошо же! Хорошо!» — горсть за горстью бросала ему в лицо свежавывающий колкий снег. Ужас в глазах мелкого стал семейной легендой.

И вот мы снова в Москве. Лето. Тащу детей в подмосковный лес, чтобы восполнить хроническую нехватку зелени и прохлады у старшей и дать младшему краткий курс под названием «Родная природа: за что любить и чего опасаться». Человеку три года, а он ни сном ни духом, что крапива жжётся. Надо исправлять.

Идём по лесу. Я вешаю свою образовательную часть:

— Это берёза. Это дуб. Это сосна. Это рябина...

— А это мох, в нём бывают тихоходки в анабиозе и без анабиоза, — оперативно вставляет старшая свои пять копеек в мою научно-познавательную лекцию.

Долго расспрашиваю её про тихиходок. Удивительные оказались создания: могут жить в открытом космосе и впадать в анабиоз, в случае если среда вокруг становится недружелюбной. До тех пор, пока не наладится. Отличное свойство.

Но вернёмся к остальной природе. Научила детей кидаться репейниками. Оба в восторге. Ели с куста малину, а потом ещё вишню. Снова восторг. Разобрали на живом примере сравнительный оборот «как грибы после дождя». Набрали грибов, поганки выбросили. Дети радовались грибам и одновременно дрались из-за ножичка, которым мы их срезали. Младший окрапился. Сказал, что в лес больше не пойдёт. Били крапиву палками. На обратном пути прыгали через корни деревьев и поваленные стволы, иногда падали сами, пару раз стёрли коленки. Объяснила функцию подорожника. Пожалуй, только он, бедняга, не вызвал никаких эмоций, кроме сухого комментария дочери: «Это же негигиенично». Уставшие и грязные как черти, вернулись из леса. Принесли маме ромашек, рябины, грибов, малины, одну шишку и пару синяков.

Какая щедрая всё же у нас земля. Одним словом, мать-природа!

Как я скучаю по облакам

В Москве облака — это не просто собранный кучками и подвешенный в атмосфере пар. Это целый небесный спектакль, его можно смотреть часами, не отрывая глаз, пока не затечёт шея. Облака меняют форму, плывут длинными морскими волнами или ложатся подушками в мягкий бархат неба. И непременно к этому спектаклю, будь тебе шесть или шестьдесят лет, в голове играет один и тот же саундтрек: «А-а-абла-а-ака-а-а... Белогривые лошадки...»

Стоит только сосредоточиться, как в них можно увидеть всё что угодно: жирафа, парусник, сердечко, ракету или рогатку. Всё можно, если очень постараться. И никто не посмеет сказать, что это неправда. Если ты не видишь — сосем не значит, что этого нет. Русские облака верят в любые фантазии, даже самые сумасшедшие.

В Эмиратах небо почти всегда одно и то же — белёсо-синее, ровное и гладкое, как новое платье модных пастельных тонов, и без единой складки. Облака здесь — редкие гости, скорее декорация на фоне бесконечного сияния солнца. Они появляются быстро, собираются понемногу и тут же исчезают, оставляя небо безмятежно-голубым. И никакого буйства фантазии, она просто не успевает разыграться.

Зато в Дубае есть красавец месяц. Который вертится на ночном небе, словно ребёнок в постельке, и никак не может найти удобное положение. То заваливается набок, то слегка поворачивается, то опрокидывается кверху ногами. Его свет мягкий и загадочный, заставляет тебя замедлиться и задуматься. Как удивительно, что всего в четырёх часах лёта, в тех же широтах, на той же планете луна, да и многое другое, смотрится совсем иначе. Вот что значит угол зрения.

Да, можно скучать по облакам, по их игре и переменам, но можно и полюбить это ровное, бескрайнее небо с его неподвижной красотой и вертлявым месяцем, который учит тебя видеть чудо в самом простом.

— Облака плывут, облака! А я цыплёнка ем табака...

Как я скучаю по свету и воздуху

В Москве другой свет. Я не про высший, а про обыкновенный. Высший свет, скорее всего, и там, и там одинаковый: золото, бриллианты, ужины, приёмы.

Московский свет не спешит и не кричит. Он заходит тихо, как старый друг без звонка: снимает пальто, устраивается в кресле и шепчет:

— Ну что, как ты тут без меня?

Утром он медленно пробивается сквозь затянутые облака, просачивается в щели окон, как серебристая дымка в чашке чая. Вечером становится золотым, как старинное кольцо, и окутывает дома, деревья и людей розовой вуалью.

— Хорошо-о-о-о! Весна же...

— Какая весна! У вас уже мужа и дети!

В Дубае свет другой. Он даже не заходит, он врывается, распахивает дверь и орёт с порога:

— Вставай, соня! Смотри, как я весь блистаю!

И ты, едва открыв глаза, уже щуришься, потому что арабское утро — не мягкий московский акварельный штрих, а резкая вспышка фотоаппарата самой последней модели. Но после такой вспышки на сетчатке глаз ещё пару минут пляшут белые пятна. Этот свет не любит нежностей. Он прямолинейный, уверенный в себе, как звезда соцсетей: «Вот я, весь кадр мой, фильтры не нужны!»

В Москве закат — неспешная симфония, где тени удлиняются, а небо перебирает все оттенки от лавандового до густо-сливового. Можно сидеть на скамейке у дома и смотреть, как мир медленно меняет костюмы. В Дубае закат как короткий, мощный аккорд: «Бам!» — и через минуту уже ночь. Никаких томных прощаний, никаких ленивых пауз. Кто-то будто подошёл к небесному выключателю и щёлкнул: всем спать!

В Дубае так много солнца, в Москве — так мало.

— Пойду в солярий. Только не хочу прямо загар. Хочу просто цвет живого человека.

Воздух в обоих городах тоже абсолютно разный. Арабский — плотный, обволакивающий, словно тёплая ткань. В нём всегда присутствует аромат нагретого песка (иногда и сам песок), солоноватое дыхание моря и пряные ноты специй из ближайшего кафе. Иногда — редкий подарок — в нём можно уловить жасмин, но только в тихие вечера, когда ветер решает взять выходной. Этот воздух стабилен и предсказуем, как хорошая погода в рекламном буклете, но со временем в нём начинаешь находить особую ценность: он не меняется, он держит тебя в своих объятиях всегда одинаково крепко, как муж.

Московский воздух переменчив, как заядлый холостяк. Здесь каждый сезон пахнет по-своему. Весной — мокрой землёй, пробуждающейся травой и хрупкими почками, которые вот-вот разорвутся на зелёные листья. Летом — горячим асфальтом, смешанным с запахом липовых цветов, от которых воздух густеет, как мёд. Осенью — прелыми листьями, дымком далёких костров и яблоками. Зимой — морозом, снегом и ветром, который щиплет щёки.

В Москве свет и воздух живут по законам романтической драмы, в Дубае — по законам экшен-блокбастера. И я, честно говоря, иногда хочу поменять жанр, потому что когда скучаешь, тогда свет и воздух — это не только физика. Это мосты в прошлое и в будущее, и здесь в Дубае мы строим их постоянно.

Как я скучаю по медицине

В живой очереди к врачу сидели полумёртвые. Я всегда в таком духе шутила про наши больницы. Причин этому было несколько. Первая — я была совсем молодая, абсолютно здоровая и могла искренне смеяться над названиями лекарств и болезней. Вторая — и основная — просто не понимала своего счастья, потому что человеку не свойственно ценить то, что он имеет.

Если бы мне кто-то десять лет назад сказал, что я буду скучать по районной поликлинике — я бы не поверила. Ещё чего! Эти очереди, запах антисептика и медсестры с голосом как у диспетчера МЧС. Бесплатный рай советского человека! Здесь мы не платим ни за кровь из пальца, ни за ЭКГ, ни за уколы, ни за флюорографию. И даже разговоры с врачами — о чудо! — бесплатные. А ещё можно без записи, просто потому, что неохота два раза тащиться с мелким в больницу, и можно договориться с врачом на месте. Ведь очереди нет, а врач, проведя твой приём сейчас, вместо чаепития, официально поставит его самым ранним или поздним на следующий день. И ему хорошо, и тебе. Вин³, как говорится, вин.

— Мамочка, почему вы в три месяца не пришли на приём? — с укором спрашивает меня участковый педиатр, которому с какой-то стати искренне есть дело до моего новорождённого ребёнка и наших прогулов.

— Мы пришли. Мы просто в очереди сидели, — язвлю я в ответ.

Это было давно, дочка была тогда полугодовалой, а я — крайне беспечной и совершенно не понимающей счастья бесплатной медицины. Тогда мы безбожно пропускали все эти приёмы и грудничковые точки отсчёта. Даже не подозревая, какая это на самом деле роскошь.

Теперь я живу в другой реальности, в Дубае. Где врач — это дорого. Разговор с врачом — дважды дорого. А чтобы без записи или с «посмотрите заодно и второго...» — так вообще невозможно.

Вход к любому врачу через кассу. «У вас есть страховка?» — первый вопрос, который услышит даже лежащий в коме. Но даже когда страховка есть, ты всё равно за что-нибудь да заплатишь, потому что, скорее всего, обязательно найдётся что-то, что «not covered by your plan»⁴.

В Дубае каждый чих — финансовое решение. Таблетки — 80 дирхамов. Витамины — 200. Анализ — 600. Результаты вам скинут в приложение, зайти в которое сложнее, чем в Пентагон. Или напишут на почту, а возможно, и не напишут. А если напишут — то обязательно с комментарием: «Рекомендуем обратиться к другому специалисту». За отдельную плату, конечно. Поэтому в Эмиратах ты сначала должен понять, насколько тебе плохо, чтобы решиться за это заплатить. Чтобы не стало ещё хуже.

Три часа ночи, напуганные возможностью пневмонии у нашего младшего, мы, готовые к незапланированным тратам, мчим с мужем в госпиталь. Проходим кассы, приёмные, смотровые. Платим за свои опасения и своё спокойствие. И раз уж приехали, решаем поставить сынуле укольчик, чтобы выздоровление не заставило себя ждать. Идём в аптеку, покупаем ампулу для укола. Странно, что шприц выдали бесплатно. И заходим в процедурную.

Медсестра долго кружит вокруг сына в своём чёрном развевающемся наряде, рассказывая со шприцем в руках полусонной российской трёхлетке то, как сейчас будет не больно и очень полезно.

Естественно, трёхлетка, и сквозь сон понимая, что дело пахнет уколами, начинает извиваться и с каждым последующим её действием орать всё истошнее. Сначала это было: «Не-е-

³ Win-win (англ.) — взаимовыгодный или выигрышный для всех. — *Прим. ред.*

⁴ Not covered by your plan (англ.) — не покрывается вашим страховщиком. — *Прим. ред.*

е-е-ет, не-е-ет, не-е-ет!» Но, осознав, что никого это «Не-е-ет» не останавливает, сын перешёл на английское: «No-o! No-o-o! No-o-o-o!»

— Следующий раз надо кричать на арабском, — смеёмся мы, успокаивая получившего укол в попу малыша и радуясь, что ничего страшного. И что всего 600 дирхамов.

То ли дело в России. Карточка, регистратура, бахилы. Кабинет 217. А там она, Лариса Петровна, по должности простая медсестра, по сути — атомный ледокол «Арктика». Лариса Петровна точно знает, что если русский трёхлетка-богатырь почует неладное, то справиться с ним будет под силу только спецназовцам из группы «Альфа». Поэтому, не давая ему шанса опомниться, чётким указанием маме: «Прижмите к себе, оголите бедро», маскируя шприц похлеще профессиональных отравителей из фильмов про Джеймса Бонда, молниеносно быстро и ювелирно точно она вонзает иглу в намеченное место. И убирает шприц в доли секунды так, будто ничего и не бывало. Малыш, только успевший открыть рот для иступлённого воя, уже получает коробку с подарками, теряясь между желанием что-то прикарманить и сообщить на весь район о своей вселенской боли.

Никаких долгих рассуждений, объяснений, для чего это нужно. Быстро. Просто. Даже слишком. Но бесплатно и сверхпрофессионально.

Особенный блок моей тоски — стоматология. Слово, от которого в ОАЭ болят не только зубы, но и сердце. Удаление — как отдых в Турции. Имплант — как квартира в Воронеже. Детская пломба — как ужин в ресторане с видом на фонтаны.

Поэтому даже в день вылета из Москвы мы мчимся в городскую стоматологию. Если надо удалять молочные зубы, то спешим вырвать все и сразу. В таких случаях зубная фея приносит подарки в самолёт. А то есть опасение, что в Дубае она лишь оставит записку «not covered by your plan».

И теперь в Москве мы — медицинские туристы. Педиатр, невролог, стоматолог, окулист, эндокринолог, хирург... Всё по плану, без отлагательств, с пометкой «важность первого уровня». Как хорошо мы стали следить за своим здоровьем! И как здорово, что меня здесь лечат (ну или пытаются лечить), а не монетизируют.

Как я скучаю по образованию

Сильнее, чем по медицине, я скучаю по образованию. Потому что доктора и лекарства, к счастью, нам требуются нечасто, а образование детям нужно давать ежедневно. И тут тоже есть несколько моментов.

Во-первых, всё обучение для приезжих платное. И стоит оно как крыло ракеты, даже не самолёта.

— Какая красота! — как-то воскликнула я соседке в ответ на сообщение, что она проводит лето с детьми в Новгородской области. На что она, мать троих девчонок, посещающих школу и кружки в Дубае, сурово ответила:

— Красота — это частный урок по фортепиано за 500 рублей!

Диалоги с мужем на эту тему вообще чуть ли не повод для развода.

— За школу 520 тыщ в квартал!

— Любимый, правильно говорить: «Квартáл».

— Правильно говорить: «520 тыщ!»

Во-вторых, в Дубае уроки в школах в большинстве своём начинаются в 7:30 утра! Жуть какая. Сразу понятно, что люди ни разу не жили в настоящем ноябре, с его леденящим душу ветром и небом, рассветающим лишь на мгновение во второй половине дня. В ноябре подъём в школу был подвигом. Может, поэтому уроки в России начинаются в 8:30, а то и в 9:00. Ты могла проснуться, позавтракать, посмотреть мультик... Прийти в себя и собраться с силами, чтобы выйти в эту крошечную тьму, освещённую лишь российским просвещением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.